

УДК 316.346.36:101.1(045)

*М.Г. Бреслер, Н.А. Алексеева***ЖИВУЩИЕ В ЦИФРОВОМ МИРЕ. НАДЕЖДА И СТРАХ БУДУЩЕГО У ПОКОЛЕНИЯ Z**

Поколения, формируемые на этапе становления информационного/цифрового общества, имеют существенные отличия от предыдущих поколений, формирование которых происходило в условиях индустриального общества на ценностном уровне. Цель данного исследования – выявить специфические отличия восприятия социального, экзистенциального и трансцендентного страха у поколения Z (синоним – центиналы, зумеры и др., родившиеся в конце 1990-х – начале 2000 годов). На основе информационно-коммуникационного подхода были проведены качественные исследования (фокус-группы) центиналов – студентов университетов города Уфа по теме восприятия страха. Выявлено, что страх перед будущим информационным/цифровым обществом, разделяемым старшим поколением, не свойственен поколению Z. Развитие в условиях цифровой среды сформировало такие качества, как прагматизм, сетевую солидарность, сетевую укоренность, позитивное отношение к цифровому будущему. У поколения Z выявлено снижение страха перед развитием цифровых технологий, искусственного интеллекта, генной инженерии. В тоже время их беспокоят экзистенциальные страхи, связанные с внешним воздействием непреодолимой силы: загрязнением окружающей среды, глобальным потеплением, риском экономических и политических кризисов. В целом, представители поколения цифрового общества настроены оптимистично, они надеются, что смогут решить проблемы общества с опорой на цифровые технологии. Выявленное изменение структуры восприятия страха имеет как академическое, так и прикладное значение, позволяет расширить и углубить исследования в данной области, а также повысить эффективность взаимодействия с поколением Z.

Ключевые слова: цифровое общество, трансгуманизм, поколение Z, страх, надежда, виртуальная реальность.

DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-2-165-173

Ссылка на статью:

Бреслер М.Г., Алексеева Н.А. Живущие в цифровом мире. Надежда и страх будущего у поколения Z // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8, вып. 2. С. 165–173. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-2-165-173>

Введение

Отношение к бурному развитию информационного/цифрового общества неоднозначно. С одной стороны, люди испытывают восхищение достижениями научно-технического прогресса, с другой стороны, нарастает страх, страх перед будущим или футурошок, в терминологии Э. Тоффлера [1], проявляемый в разных странах и регионах [2]. Страх перед будущим, по большей степени экзистенциальный страх. Высокая динамика изменений в информационной, технологической, экономической сферах не позволяет разобраться в причинах трансформации общества, порождает страх перед любыми изменениями.

Парализующая сила проявляется акторами, обладающими такой силой. Компьютерные программы информационной безопасности, институты власти, контролирующие коммуникации, частные лица и организации, предоставляющие услуги защиты приватности в цифровой среде. Предначальные декларации заботы о человеке вызывают страх. Человек, чье формирование пришлось на индустриальную эпоху XX века, осваивающий все более заполняющую его мир цифровую среду, склонен испытывать страх перед новым явлением, недоверие, либо излишнее доверие к акторам, обладающим некоей мифологизированной силой, например, к специалистам по IT либо по информационным технологиям, которые «порабощают» людей благодаря цифровым и манипулятивным технологиям. Страх порождает нарастающее раздражение против слишком быстрых перемен в его жизни. Экзистенциальный страх вошел в современную культуру в виде фильмов и романов – катастроф, ужасов, антиутопий. Ближе к визуализации экзистенциального страха лежат труды футурологов, экстраполирующих современные достижения науки и техники в некие радикальные формы, ожидающие человечество в ближайшем будущем. Индустриальное прошлое, и отчасти настоящее, понятно и привычно для человека, но информационное/цифровое будущее находится скорее в области фантастики, чем реальности. Экстраполяция сегодняшнего состояния цифровых технологий во временной период се-

редины – конца XXI века представляет апокалиптическую картину, гениальная инженерия позволяет элитам создать новый вид Homo Deus и преобладать над «обычными людьми» [3], экологические проблемы будут нарастать и настанет глобальное потепление. Но больше всего страха сконцентрировано в области развития цифровых технологий. Страх перед новостями информационной среды, вводящей в заблуждение ложными новостями [4], в том числе и о распространении эпидемий [5]. Страх развития искусственного интеллекта позволит злоумышленникам нанести существенный ущерб национальной безопасности, манипулировать сознанием людей, а в будущем – лишит работы большую часть населения [6; 7] страх и перед появлением новых вещей с искусственным интеллектом, таких как беспилотные автомобили [8].

Страх будущего обусловлен усиленной динамикой процессов трансформации при переходе на новую стадию цивилизационного развития. Естественное чувство для людей, чьи ценности формировались в условиях индустриальной эпохи, зарождения и начальных периодов формирования информационного общества XX века. Как отмечено в исследовании Юхуа Лиэн и Сенчойл Остин Ли, страх перед роботами и искусственным интеллектом больше выражен среди представителей старших возрастов [9]. Проблема страха перед будущим – не прерогатива современного общества [10], страх перед видимыми изменениями сегодняшнего дня с неизвестными последствиями в будущем сопутствует человеку с момента осознания себя как социальной личности. «Социальный страх, связанный с общественными по своему происхождению угрозами, выступает неотъемлемой и неизбежной составляющей человека как социального субъекта» [11]. Человек в XXI веке видит существенные изменения в своей обыденной жизни и ощущает их как некую силу, чье парализующее действие, по мнению Э. Фромма «основано ... на страхе ... в равной степени и на имплицитном обещании того, что обладающие силой могут защитить и позаботиться о слабых» [12. С. 114]. При этом «относительные влечения» и «желания» [в том числе и страх] обязаны своим происхождением определенному типу социальной организации [13]. Соответственно, изменения социальной организации, в данном случае связанные с переходом на новую стадию цивилизационного развития, с большой долей вероятности должны изменить структуру страха в обществе.

Современные нам 2020-е годы, этап становления информационного/цифрового общества формирует новые поколения, с новой социокультурной средой.

Общая характеристика поколения цифрового общества

Поколение, родившееся в конце 1990-х – начале 2000 годов, названное поколением Z (синоним зуммеры, центиниалы), по своему мировоззрению, идеям, идеалам отличается от предыдущих поколений [14]. Существенное отличие связано, в том числе с тем, что оно с детских лет погружено в цифровую среду, которую считает своей естественной средой обитания. Цифровая среда, в свою очередь, оказала существенное влияние на образ жизни и поведение центиниалов. С воздействием информационной среды мы связываем свойственный поколению Z прагматизм [15], стремление к выбору наиболее эффективного решения, умение за краткое время находить нужную информацию, позволяющую повысить объективность восприятия [16]. Идентичность центиниалов складывается из множества разделяемых им ценностей, позволяющим включаться во множество сетевых сообществ, создавать коммуникации с группами людей, разделяющих сходные ценности. Сетевое взаимодействие позволяет центиниалам укреплять взаимодействие, в том числе и среди родных и близких, включенных в семейное сетевое сообщество [17]. Сетевой характер существенной части коммуникаций развивает у центиниалов сетевую логику, стремление к горизонтальным связям. Они менее терпимы к иерархическим отношениям в организациях и институтах, но готовы подчиняться принятым правилам [18], если находят их эффективными.

Сетевая солидарность выражается в стремлении поддержать и получить поддержку в «своих» сетевых сообществах, агрегаций людей, связанных близкими ценностями. Взаимопомощь в рамках сетевой солидарности порождает свойственный центиниалам индивидуальный коллективизм, снижает персональное «давление страха», но и расширяет горизонты коллективного страха перед внешним воздействием непреодолимой силы [19]. Одним из существенных отличий центиниалов от предшествующего поколения Y (миллениалы) является упомянутый выше прагматизм. Прагматизм центиниалов в данном случае противостоит романтизму миллениалов [20]. Предыдущее поколение (родившиеся от середины 1980-х до конца 1990-х гг.) формировалось в России на фоне перестройки и экономической реформы 1990-х, как известно, в этот период произошло смещение ценностей в об-

ласть предпринимательства. Поколение Y мечтало «сорвать банк», оказавшись в «нужное время в нужном месте». Это отличает от поколения Z, для которых предпочтительна модель «хорошее образование – творческая работа – высокий доход» [23].

Методология

Авторы исходят из информационно–коммуникационного подхода в его кластерной парадигме, где общество представлено состоящим из множества сообществ, отграниченных, прежде всего, по ценностному, аксиальному признаку, взаимопроницаемых и взаимосвязанных по сетевому принципу. Мы считаем, что в информационном/цифровом обществе, в связи со всевозрастающим информационным потоком превалирует сетевая форма коммуникаций как более эффективная, нежели линейная. Анализ взгляда поколения Z на формирующееся будущее проводится в рамках разрабатываемой нами сетевой логики. В аспекте данного исследования наибольший интерес представляют средние классы информационного/цифрового общества – создатели информационного продукта – когнитариат. На ценностном уровне высшие классы склонны к метамодернистским осцилляциям, в терминологии Робин ван ден Аккера [21]. Достигнув определенного положения, представители высших классов более других заинтересованы в фиксации этого положения. В стазисе общественных процессов. А потому финансовые и экологические кризисы, стремительное нарастание информационного потока (Интернет 2.0), развитие цифровых технологий приводит к «социокультурному пересмотру» [22] представлений о будущем, к поиску метамодернистских нарративов в «прекрасном прошлом».

В отличие от высших классов, стремящихся сохранить свой статус и низших классов, сосредоточенных по большей части на решении личных проблем выживания, эта социальная группа заинтересована в развитии общества, увеличении личного и коллективного коммуникационного капитала, динамической стабильности и менее склонна к осцилляции [23. С. 142]. Особенности социальной группы когнитариата накладывается на специфику нового поколения Z. Мы сознательно сузили предмет нашего исследования на когнитариат центиналов, проводя качественные исследования среди студентов провинциального вуза из семей среднего достатка.

Целью данного исследования было выявление на качественном уровне различных видов страха. Во - первых, это биологические страхи, связанные с различными жизненными рисками. Во - вторых, страхи, связанные с окружающим социумом – работой, учёбой, родными и близкими. В - третьих, экзистенциальные страхи, связанные с воздействием «непреодолимой силы». Одновременно были рассмотрены вопросы, связанные с понятием «надежды» как альтернативы «страху».

В качестве инструмента исследования были избраны качественные методы – проведенная в 2023–2024 гг. серия фокус групп (N=4) с общим числом участников 49 человек. Возраст участников – 18–24 года. 20 мужчин и 29 женщин. К участию в фокус-группах были приглашены студенты, обучающиеся на направлениях подготовки, связанных с творческим трудом: студенты факультета экосфер бизнеса и креативных индустрий (фокус группа №1), института архитектуры и строительства (фокус группа №2), IT-института (фокус группа №3) Уфимского государственного нефтяного технического университета, а также группа студенческих лидеров – руководителей профсоюзных и общественных организаций университетов г. Уфа (фокус группа № 4).

Результаты исследования

Во время проведения всех четырех фокус-групп участникам был предложен стандартный пул вопросов. При описании результатов будут даны обобщенные ответы участников с указанием номера фокус-групп, а также типичные ответы отдельных участников, чьи имена анонимизированы с целью нераспространения персональных данных. В целом, во всех проведенных фокус-группах участники отмечали наличие биологических страхов. Страх оказаться в доме, подвергшемся пожару, наводнению, землетрясению. Страх подвергнуться нападению дикого зверя в лесу, а в городе – попасть в автоаварию. В тоже время участники фокус-групп № 1–3 отмечали, что получаемая информация и технологии позволяет им снизить страх. Светодиодный фонарь помогает преодолеть страх темноты, навигатор – страх заблудиться, а смартфон – страх одиночества.

Участники фокус-группы №4 отмечали наличие страха за благополучие их подчиненных и в целом за тех людей, что входят в их организации. Как сказал участник М.Л., глава спортивной комиссии факультета эко-сфер бизнеса и креативных технологий УГНТУ: «Я чувствую ответственность

за тех людей, которые мне доверяют. Есть волнения за их здоровье, за их результаты на университетских или городских спортивных состязаниях».

Ценности здоровья считаются приоритетными у поколения Z. Поэтому среди биологических страхов превалирует страх заболеть, получить тяжелое осложнение и др. [24]. Превазирование ценности здоровья возросло в связи с пандемией Covid-19, интенсивность которой снизилась лишь несколько лет назад. По данным исследования Муращенковой Н.В., среди студентов распространен страх перед пандемией, но при психологическом анализе было выявлено, что они по большей части привержены социальным аксиомам «награда за усилия», в данном случае, понимания необходимости соблюдения санитарных норм, вакцинации и др. и «социальная сложность» [25], что означает возможность выбора из многих доступных вариантов [26].

Участники фокус-групп (№ 1–4) в целом подтвердили эти выводы. На вопрос «Соблюдали ли Вы санитарно-гигиенические нормы во время пандемии Covid-19?», практически все участники ответили утвердительно, за исключением двух человек, утверждающих, что они не верили и не верят в пандемию. Само соблюдение норм большинство участников связали именно со страхом заразиться и заболеть с риском получения тяжелых осложнений. О страхе за свою жизнь заявили 40 из 49 человек, из них 36 отметили, что также очень боялись за жизнь родных и близких. Типичный ответ участника Марии К.: «Вначале информации о пандемии было крайне мало и опасность заразиться внушала большой страх. Но со временем поддержание личной гигиены вошло в привычку. Страх исчез». Надежду участники фокус-группы связывали с адаптацией социальных процессов общества. «Начиная со времен самоизоляции, мы привыкли к дистанционной форме обучения, к снижению непосредственных контактов с людьми. Наши связи с друзьями не ослабли, мы и раньше много общались в социальных сетях».

Группа вопросов о страхе смерти и иных экзистенциальных страхов была связана с Covid-19, участники отмечали, что экзистенциальные страхи нарастали по мере того, как стало очевидно легкомысленное отношение части населения к ограничениям, введенным во время пандемии, а также излишне мягкие, по мнению участников, действия власти. При этом 5 из 49 отметили, что меры власти по ограничению социальных процессов во время пандемии были излишне суровые и малоэффективные. В этом они видят причину смерти людей в период пандемии, в том числе и своих знакомых. В отличие от смерти от других причин, опрашиваемые отнесли к возможной смерти от коронавируса с неким фатализмом. «Лекарства, дающего гарантию выздоровления, нет, значит, есть вероятность летального исхода, но вероятность снижается, если сделать прививку и соблюдать гигиену».

Участники фокус-группы № 4 рассказали о своём опыте организации волонтерской деятельности в период пандемии. Так, участница Наталья А. летом 2020 года принимала участие в доставке продуктов питания пожилым людям, находившихся на самоизоляции. «Страх получить Covid-19 или заразить людей, с которыми контактировала, был большой. Но я понимала, что помощь необходима, и страх отступал».

Вторая группа вопросов, касающаяся страха, связанного с окружающими социальными процессами. Ожидаемо, у студентов большинство страхов связаны с трудностями в образовательном процессе. Страх перед экзаменами, хотя бы раз за время обучения, отмечали все участники фокус-групп. Но этот страх вспоминали с улыбкой, отмечая, что он был на первом курсе. На вопрос: «есть ли страх сейчас?» – один из участников, Лейсан Б., направление подготовки – «Архитектура», сказала: «После того, как побывала на практике, страх как таковой прошел. Экзамен для меня – возможность показать свои знания». Ответы на вопрос о страхе проблем в будущем, связанных с работой, показали, что студенты подходят к будущей работе осмысленно и строят достаточно прагматичные планы. «Я готов к тому, что меня могут уволить или мне придется уйти из токсичной компании. Буду фрилансером, открою свой бизнес. Хороший программист без работы не останется», – Валерий С., фокус – группа № 3. «Конечно, было бы неприятно, если бы меня уволили, но этот «кризис» я восприму как возможность начать нечто новое, или жизненный урок», – типичный ответ участника фокус-группы № 4 Антона Г.

Страх, рожденный ожиданием цифрового будущего, у участников фокус-группы присутствовал, но его восприятие не было критичным. Вопросы о футурошоке, страхе перед новыми технологиями представляли собой отдельный блок вопросов. Цель – выявить насколько реальные страхи, высказываемые футурологами. Вопросы были сформулированы на основе распространенных в научно-популярной литературе футурологических прогнозов, а также общих страхов перед будущим, часто публикуемых на страницах в социальных сетях.

Первый вопрос блока, сформулированный как: «насколько комфортно ваше пребывание в виртуальной среде, нет ли страха исчезновения реальной коммуникации?», – вызвал затруднение у участников фокус-группы. «Я ежедневно получаю и отправляю десятки сообщений моим друзьям, родным, коллегам по учебе или работе. Как можно говорить об исчезновении реальной коммуникации?» – типичный ответ участников коммуникации. На фокус-группе №4 молодые лидеры общественных организаций отмечали, что коммуникации в мессенджерах, чатах позволяют оперативно обмениваться информацией. «Раньше люди теряли много времени встречаясь на совещаниях, оперативках, а сейчас провели видеоконференцию, затем оперативной информацией делимся в чатах. Так возможно решить гораздо больше задач, эффективность организационной работы значительно повысилась». Пребывая с ранних лет в цифровой среде, они в равной степени воспринимают информацию, поступающую как с применением неких инструментов – медиа, так и получаемую при межличностном, либо групповом общении.

Второй вопрос касался взаимоотношения человека и искусственного интеллекта. Как выяснилось, центиниалы не видят проблемы в появлении интернета вещей, управляемых AI (искусственным интеллектом), для них это лишь дальнейшее увеличение комфорта и расширение возможностей, в духе «расширения человека» Маклюэна Г. М. [27]

Третий вопрос касался возможных изменений в геноме человека возникновения Homo Deus [28] и регресса человечества под воздействием цифровой среды в многочисленных публичных выступлениях и публицистических произведениях Курпатова А.В. [29]. Центиниалы выбрали позитивные стороны изменения генома, такие как избавление от болезней, расширение физических способностей. При этом «искусственные органы и мышцы также надо будет тренировать, а об организме также заботиться, как и раньше. Но для человека всё-таки важно не только его физическое развитие, но его социальные связи, наличие творческого труда,» – как отметил один из участников. Они не считают, что пребывание в социальных сетях или иных формах цифровой среды приводит к некоей деградации, но отмечают, что интеллектуальное развитие зависит в большей степени от самого человека и сообщества, в котором он пребывает, а не возможностей доступа к тем или иным цифровым ресурсам.

Касаясь экзистенциальных страхов внешнего воздействия непреодолимой силы, участники фокус-групп отмечали их присутствие, но в тоже время высказывались о возможности их преодоления. «Экологические, экономические, техногенные кризисы в большой степени являются следствием деятельности старших поколений. Нам этого не избежать, значит нужно думать о том, как преодолеть, а не бояться,» – типичный ответ от участника фокус-группы №1 Тимура К.

Заключение

Качественное исследование показало восприятие страха поколением Z. При этом выявлено, что на уровне базовых ценностей, ценности здоровья страх у центиниалов отстает перед необходимостью проявить ответственность, заботу о других людях, солидарность. Представители первого поколения цифрового общества не разделяют страхов, присущих старшим поколениям, перед новым, существенно отличающимся от настоящего будущим. Они пребывают с детских лет в цифровой среде и предпочитают сетевую форму коммуникаций. В тоже время у них не отмечен страх перед потерей качества коммуникаций в связи с переходом существенной их части в цифровую среду. В отношении новых технологий, искусственного интеллекта, генной инженерии, цифровой среды центиниалы настроены в целом конструктивно, считая свои навыки в области владения цифровыми технологиями большим преимуществом, в том числе и перед старшим поколением. Как прагматики они предпочитают адаптировать существующую среду под свои ценности, идеи, идеалы, либо менять среду обитания при невозможности адаптации. При этом они стараются избегать конфликтов, предпочитая консенсус, сближение точек зрения и ценностей. Современные глобальные проблемы общества воспринимаются ими как результат деятельности старших поколений и в то же время «вызов», который они планируют преодолеть, в том числе с помощью знания цифровых технологий и социальной солидарности.

Исследование показывает вероятность существенной смены ценностей поколением центиниалов и следующими за ними поколениями. Мир меняется и сегодняшний страх перед будущим, присущий нашему поколению, дебаты по поводу трансгуманизма и «конца истории человечества» в ближайшем будущем будет казаться наивным прагматичным «цифровым аборигенам», которые приходят к нам на смену.

Ограничение исследования

Авторы осознают ограничения своего исследования анализом лишь качественных исследований (фокус-групп), поэтому предполагают в дальнейшем использовать и количественные исследования в виде классических опросов.

Благодарности/Финансирование

Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», стратегический проект «Новая среда жизни», проект «Социо-гуманитарное конструирование будущего: мегаполис для поколения Z (цифровой сервис-технология «Mega-Z»)» на базе созданной в УГНТУ цифровой междисциплинарной лаборатории конструирования будущего Digital Future. Регистрационный номер НИОКТР 123050400001-6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alvin Toffler. *Future shock*. New York: Random House, 1970. Social Science. 505 p.
2. Petra Jansen, Markus Siebertz, Philipp Hofmann, Kashef Zayed, Dalia Zayed, Faisal Abdelfattah, Laura M. Fernandez-Méndez & Chiara Meneghetti. Daryl O'Connor, Edit. 2021. Does self-compassion relate to the fear of the future during the 2020 coronavirus pandemic? A cross-cultural study, *Cogent Psychology*, 8:1, DOI: <https://doi.org/10.1080/23311908.2021.1976438>.
3. Noah Harari, Y. *Homo deus a brief history of tomorrow*. New York: Penguin Random House, 2015, 513 pp.
4. McGonagle, T. «Fake news»: False fears or real concerns? // *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2017. № 35(4), P. 203-209. DOI: <https://doi.org/10.1177/0924051917738685>.
5. Salvi, Carola, Paola Iannello, Alice Cancer, Mason McClay, Sabrina Rago, Joseph E. Dunsmoor, and Alessandro Antonietti. Going viral: How fear, socio-cognitive polarization and problem-solving influence fake news detection and proliferation during COVID-19 pandemic // *Frontiers in Communication*, 2021. № 5:5562588. DOI: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.562588>.
6. Sindermann, C., Yang, H., Elhai, J.D. et al. Acceptance and Fear of Artificial Intelligence: associations with personality in a German and a Chinese sample // *Discover Psychology*, 2022. № 2 (8) DOI: <https://doi.org/10.1007/s44202-022-00020-y>.
7. Zhan, E. S., Molina, M. D., Rheu, M., & Peng, W. What is There to Fear? Understanding Multi-Dimensional Fear of AI from a Technological Affordance Perspective // *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2023. 1(18). DOI: <https://doi.org/10.1080/10447318.2023.2261731>.
8. Cugurullo, F., Acheampong, R.A. Fear of AI: an inquiry into the adoption of autonomous cars in spite of fear, and a theoretical framework for the study of artificial intelligence technology acceptance // *AI & Society*, 2023. 22 Jan. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01598-6> or URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-022-01598-6>.
9. Liang, Y., Lee, S.A. Fear of Autonomous Robots and Artificial Intelligence: Evidence from National Representative Data with Probability Sampling // *International Journal of Social Robotics*, 2023. № 9, P. 379–384. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12369-017-0401-3>.
10. Bram Vervliet, Yannick Boddez, Memories of 100 years of human fear conditioning research and expectations for its future // *Behaviour Research and Therapy*, 2020. № 135, P.103732. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.brat.2020.103732>.
11. Баринов Д.Н. Страх как феномен человеческого бытия // *Философская мысль*, 2018. №5. С. 7782. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2018.5.24730>.
12. Fromm Erich. *Man for Himself. An inquiry into psychology of ethics*. Holt, Rinehart and Winston. New York, 1964.
13. Funk, R. Erich Fromm: The Courage to be Human. New York: Continuum. 1982
14. Jean M. Twenge *Generations. The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and America’s Future*. New York, Atria books. Simon & Schuster, 2023. 560 p.
15. Francis, Tracy, and Fernanda Hoefel. True Gen?: Generation Z and its implications for companies. McKinsey & Company. 2018.12: 1-10.
16. Asmiyanto, Taufik; Ferezagia, Debrina Vita; Inamullah, Muhammad Hanif; Roselina, Elsa; and Abdurrahman, Zaidan. The Effect of Information-Seeking Behavior on Gen-Z Political Preference: Study on 2020 District Heads Election in Depok and South Tangerang // *Library Philosophy and Practice (e-journal)*. 2021. 1–17. 6318. <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/6318>
17. Bresler M. Transformation of the values of Generation Z – Residents of the digital society of sustainable development / M. Bresler, S. Galiullina, D. Gerasimova // *E3S Web of Conferences*, Yekaterinburg, 28–29 сентября 2020

- года. Vol. 208. Yekaterinburg: EDP Sciences, 2020. P. 09043. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020809043>. EDN AIXWSF.
18. Tang F. A critical review of research on the work-related attitudes of Generation Z in China // *Social Psychology and Society*. 2019. № 10 (2), P. 19—28. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2019100203>
 19. Каширин А. Ю. (2018). Страх как культурная экзистенция современной мифологии // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, 2018. №2 (26), P. 83-92.
 20. Кашкаров И.Д., Тарасовская А.М. Анализ ценностей поколения X и миллениалов // *Политехнический молодежный журнал*, 2022, № 08(73). DOI: <http://doi.org/10.18698/2541-8009-2022-08-817> .
 21. Аккер ван ден Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмоде́рнизма. М.: Рипол-Классик, 2019 г. 499 с
 22. Alison Gibbons, Timotheus Vermeulen & Robin van den Akker. Reality beckons: metamodernist depthiness beyond panfictionality // *European Journal of English Studies*, 2019. № 23(2), P.172-189, DOI: [10.1080/13825577.2019.1640426](https://doi.org/10.1080/13825577.2019.1640426).
 23. Бреслер М.Г. Специфика российского когнитариата поколения Z // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2023. 7(2). С. 141–153. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-2-141-153> .
 24. Eringfeld S. Higher education and its post-colonial future: utopian hopes and dystopian fears at Cambridge University during Covid-19 // *Studies in Higher Education*, 2021. № 46:1, P. 146-157, DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2020.1859681>.
 25. Муращенкова Н.В. Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран // *Социальная психология и общество*. 2022. № 13 (2). С. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130207>.
 26. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Разработка и тестирование краткой версии опросника по социальным аксиомам М. Бонда и К. Льюнга. *Культурно - историческая психология*, 2020. № 16 (1), P. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>.
 27. Маклюэн Г.М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / Пер. с англ. М.: Кучково поле, 2023. 464 с.
 28. Andersson, J. That Very Big Computer Known as Human Civilisation-Yuval Noah Harari, *Homo Deus—A Brief History of Tomorrow* (Random House, London, 2017) // *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, 2018. № 59(3), 429–434.
 29. Kurpatov A. (2019). *Thinking. Systems research*. Litres. 770 p. URL: <https://www.litres.ru/andrey-kurpatov/myshlenie-sistemnoe-issledovanie/>.

Поступила в редакцию 17.05.2024
Передана на рецензирование 17.05. 2024
Рекомендована к печати 24.05.2024

Бреслер Михаил Григорьевич, кандидат философских наук,
доцент кафедры «Международные отношения, история и востоковедение» УГНТУ;
Руководитель Междисциплинарной цифровой лаборатории конструирования будущего «Digital Future»,
Институт экосистем бизнеса и креативных индустрий (ИЭС)
E-mail: bremmaster@yandex.ru

Алексеева Наталья Александровна, кандидат технических наук
Магистрант кафедры «Международные отношения, история и востоковедение» УГНТУ
Институт экосистем бизнеса и креативных индустрий (ИЭС).
E-mail: nata_profstud@mail.ru

Уфимский государственный нефтяной технический университет.
450078, Россия, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145

M.G. Bresler, N.A. Alekseeva

LIVING IN A DIGITAL WORLD. HOPE AND FEAR OF FUTURE AMONG GENERATION Z

DOI: [10.35634/2587-9030-2024-8-2-165-173](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-2-165-173)

Generations shaped in the process of formation of an information/digital society have significant differences from previous generations, which were formed in the conditions of an industrial society at the level of values. The aim of this study is to identify specific differences in the perception of social, existential, and transcendental fears in Generation Z (also known as centennials, zoomers, etc., born in the late 1990s – early 2000s). Based on an information-communication approach, qualitative research (focus groups) of centennials – students of universities in the city of Ufa

on the topic of fear perception was conducted. It was found that fear of the future information/digital society, shared by the older generations, is not characteristic of Generation Z. Development in a digital environment has fostered qualities such as pragmatism, network solidarity, network rootedness, and a positive attitude towards the digital future. Generation Z has shown a decrease in fear towards the development of digital technologies, artificial intelligence, and genetic engineering. At the same time, they are concerned about existential fears related to external forces, such as environmental pollution, global warming, and the risk of economic and political crises. In general, representatives of the digital society are optimistic, hoping that they can solve society's problems with the support of digital technologies. The identified change in the structure of fear perception has both academic and practical significance, allowing for the expansion and deepening of research in this area, as well as increasing the effectiveness of interaction with Generation Z.

Keywords: digital society, transhumanism, Generation Z, fear, hope, virtual reality.

REFERENCES

1. Alvin Toffler. *Future shock*. New York: Random House, 1970. Social Science. 505 p.
2. Petra Jansen, Markus Siebertz, Philipp Hofmann, Kashef Zayed, Dalia Zayed, Faisal Abdelfattah, Laura M. Fernández-Méndez & Chiara Meneghetti. Daryl O'Connor, Edit. 2021. Does self-compassion relate to the fear of the future during the 2020 coronavirus pandemic? A cross-cultural study, *Cogent Psychology*, 8:1, DOI: <https://doi.org/10.1080/23311908.2021.1976438>.
3. Noah Harari, Y. *Homo deus a brief history of tomorrow*. New York: Penguin Random House, 2015, 513 pp.
4. McGonagle, T. "Fake news": False fears or real concerns? // *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2017. № 35(4), P. 203-209. DOI: <https://doi.org/10.1177/0924051917738685>.
5. Salvi Carola, Paola Iannello, Alice Cancer, Mason McClay, Sabrina Rago, Joseph E. Dunsmoor, and Alessandro Antonietti. Going viral: How fear, socio-cognitive polarization and problem-solving influence fake news detection and proliferation during COVID-19 pandemic // *Frontiers in Communication*, 2021. № 5:5562588. DOI: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.562588>.
6. Sindermann, C., Yang, H., Elhai, J.D. et al. Acceptance and Fear of Artificial Intelligence: associations with personality in a German and a Chinese sample // *Discover Psychology*, 2022. № 2 (8) DOI: <https://doi.org/10.1007/s44202-022-00020-y>.
7. Zhan, E. S., Molina, M. D., Rheu, M., & Peng, W. What is There to Fear? Understanding Multi-Dimensional Fear of AI from a Technological Affordance Perspective // *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2023. 1(18). DOI: <https://doi.org/10.1080/10447318.2023.2261731>.
8. Cugurullo, F., Acheampong, R.A. Fear of AI: an inquiry into the adoption of autonomous cars in spite of fear, and a theoretical framework for the study of artificial intelligence technology acceptance // *AI & Society*, 2023. 22 Jan. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01598-6> or URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-022-01598-6>.
9. Liang, Y., Lee, S.A. Fear of Autonomous Robots and Artificial Intelligence: Evidence from National Representative Data with Probability Sampling // *International Journal of Social Robotics*, 2023. №9, P. 379–384. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12369-017-0401-3>.
10. Bram Vervliet, Yannick Boddez, Memories of 100 years of human fear conditioning research and expectations for its future // *Behaviour Research and Therapy*, 2020. № 135, P.103732. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.brat.2020.103732>.
11. Barinov D.N. Strah kak fenomen chelovecheskogo bytija // *Filosofskaja mysl'*, 2018. №5. S. 7782. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2018.5.24730>. (In Russ).
12. Fromm Erich. *Man for Himself. An inquiry into psychology of ethics*. Holt, Rinehart and Winston. New York, 1964.
13. Funk, R. Erich Fromm: The Courage to be Human. New York: Continuum. 1982
14. Jean M. Twenge *Generations. The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and America's Future*. New York, Atria books. Simon & Schuster, 2023. 560 p.
15. Francis, Tracy, and Fernanda Hoefel. *True Gen': Generation Z and its implications for companies*. McKinsey & Company. 2018. 12: 1-10.
16. Asmiyanto, Taufik; Ferezagia, Debrina Vita; Inamullah, Muhammad Hanif; Roselina, Elsa; and Abdurrahman, Zaidan. The Effect of Information-Seeking Behavior on Gen-Z Political Preference: Study on 2020 District Heads Election in Depok and South Tangerang // *Library Philosophy and Practice (e-journal)*. 2021. 1-17. 6318. <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/6318>
17. Bresler, M. Transformation of the values of Generation Z - Residents of the digital society of sustainable development / M. Bresler, S. Galiullina, D. Gerasimova // *E3S Web of Conferences*, Yekaterinburg, 28–29 сентября 2020 года. Vol. 208. Yekaterinburg: EDP Sciences, 2020. P. 09043. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020809043> . EDN AIXWSF.

18. Tang F. A critical review of research on the work-related attitudes of Generation Z in China // *Social Psychology and Society*. 2019. № 10. (2), P. 19—28. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2019100203>
19. Kashirin A. Ju. (2018). Strah kak kul'turnaja jekzistencija sovremennoj mifologii // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 2018. №2 (26), P. 83-92. (In Russ).
20. Kashkarov I.D., Tarasovskaja A.M. Analiz cennostej pokolenija H i millenialov // *Politehnicheskij molodezhnyj zhurnal*, 2022, № 08(73). DOI: <http://doi.org/10.18698/2541-8009-2022-08-817/>. (In Russ).
21. Akker van den R. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma*. M.: Ripol-Klassik, 2019 g. 499 s (In Russ).
22. Alison Gibbons, Timotheus Vermeulen & Robin van den Akker. Reality beckons: metamodernist depthiness beyond panfictionality // *European Journal of English Studies*, 2019. № 23(2), P.172-189, DOI: [10.1080/13825577.2019.1640426](https://doi.org/10.1080/13825577.2019.1640426).
23. Bresler M.G. Specifika rossijskogo kognitariata pokolenija Z // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2023. 7(2). S. 141-153. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-2-141-153>. (In Russ).
24. Eringfeld S. Higher education and its post-colonial future: utopian hopes and dystopian fears at Cambridge University during Covid-19 // *Studies in Higher Education*, 2021. №46:1, P.146-157, DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2020.1859681>.
25. Murashhenkova N.V. Social'nye aksiomy i strah pered COVID-19: mul'tigrupповoj analiz svjazi u studencheskoj molodezhi treh stran // *Social'naja psihologija i obshhestvo*. 2022. №13 (2). С. 89—108. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130207>. (In Russ).
26. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Razrabotka i testirovanie kratkoj versii oprosnika po social'nym aksiomam M. Bonda i K. Ljunga. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*, 2020. №16 (1), P. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>. (In Russ).
27. Makljujen G.M. *Ponimanie media. Vneshnie rasshirenija cheloveka*. Per. s angl. Nikolaev. M.: Kuchkovo pole, 2023. 464 s. (In Russ).
28. Andersson, J. That Very Big Computer Known as Human Civilisation-Yuval Noah Harari, *Homo Deus—A Brief History of Tomorrow* (Random House, London, 2017) // *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, 2018. № 59(3), 429-434.
29. Kurpatov A. (2019). *Thinking. Systems research*. Litres. 770 p. URL: <https://www.litres.ru/andrey-kurpatov/myshlenie-sistemnoe-issledovanie/>.

For citation:

Bresler M.G., Alekseeva N.A. Living in a digital world. Hope and fear of future among generation Z // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2024. Vol. 8, iss. 2. P. 165–173. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-2-165-173> (In Russ.).

Received May 17, 2024

Submitted for review on May 17, 2024

Recommended for publication May 24, 2024

Bresler M.G., Candidate of Philosophy, Associate Professor
at the International Relations, History and Oriental Studies Department
Head of the Interdisciplinary Laboratory «Digital Future»
Institute of Business Ecosystems and Creative Industries (IES)
E-mail: bremmaster@yandex.ru

Alekseeva N.A., Candidate of Technical Science, Master's Student
at the International Relations, History and Oriental Studies Department
Institute of Business Ecosystems and Creative Industries (IES)
E-mail: nata_profstud@mail.ru

Ufa State Petroleum Technological University
Chernyshevskogo st., 145, Ufa, Russia, 450078